

Моек. прохв. - 1993. - 26 янв. - с. 7

Васисуалий и сейчас не гасит свет

«...Обитатели большой коммунальной квартиры номер три, в которой обитал Лоханкин, считались людьми своенравными и известны были всему дому частыми скандалами и тяжелыми склоками. Квартиру номер три прозвали даже «Вороньей слободкой». Продолжительная совместная жизнь закалила этих людей, и они не знали страха».

Кому из нас не знакома знаменитая «Воронья слободка», где «имел жилплощадь» несчастный Васисуалий Лоханкин, вынесший столько страданий из-за того, что забывал выключать свет в туалете? Квартира в многоэтажной «башне» на углу улицы Чехова и Садового кольца, где ныне живет Васисуалий Андреевич, совсем не похожа на описанную Ильфом и Петровым. И все-таки она очень близка к той, куда пришел Остап Бендер в самую болезненную для Лоханкина минуту. Во-первых, Васисуалий также не гасит свет в туалете. Правда, пока — по причине своего младенческого возраста: ему 11 месяцев. Во-вторых, Васисуалий Андреевич (в свидетельстве о рождении, правда, пришлось записать — Василий) является правнуком Евгения Петрова (то есть Евгения Петровича Катаева). В-третьих, обитатели квартиры хранят в памяти легенды о натуральной «Вороньей слободке», где жила в свое время девушка Валя, ставшая женой молодого, но уже известного и уже столичного журналиста Евгения Петрова.

Бабушка Валя сама была легендой. Это она послужила прототипом Васисуалия Лоханкина, ибо систематически не выключала свет в местах общественного пользования, чем вызывала бурную реакцию обитателей «Вороньей слободки» даже тогда, когда ее муж стал платить полностью за всю коммунальную квартиру. Однако были у нее и доброжелатели, не попавшие в число героев романа «Золотой теленок». Среди них — добряк-алкоголик, выразивший свой протест против гонений на очарова-

тельную соседку тем, что, уловив момент, писал в кастрюлю наиболее рьяной гонительнице. Или дворник, ежегодно 23 мая, в день рождения, ставший ей под дверь ведро сирени.

Бабушка Валя (я говорю о ней от лица ее внучки Кати) была музой не только Евгения Петрова. Ее «открыл» и «растил себе в жены» Юрий Олеся. Он пообещал девочке из Мыльников переулочка, что напишет прекрасную сказку, которая будет издаваться в колениковом переплете с цветными картинками, а на титульном листе будет написано, что книга посвящена ей. Свое слово он сдержал. Но пока писались и издавались «Три толстяка», изменилась фамилия девочки Вали.

Был влюблен в нее и старший брат Евгения Петрова Валентин Катаев. Его книга «Вишневая косточка» с дарственной надписью «Всегда Ваш Валя» хранится в квартире на улице Чехова вместе с другими реликвиями. Хотя большая часть библиотеки и вещей Евгения Петрова и его жены осталась в семье старшего сына, с которым жила Валентина Леонтьевна, умершая год назад.

Однако Валентин Катаев передал отцу Кати драгоценную папку с карандашной надписью на обложке: «Ильф и Петров. Неопубликованные рукописи и заметки». Эту папку (конечно, без карандашной надписи) Евгений Петров возил с собой и тогда, когда в качестве военного корреспондента выезжал на передовую. Однажды корабль, где он находился, накрыло волной от близкого взрыва, и каюту затопило. Пришлось потом сушить все бумаги. Поэтому листы в папке — не только пожелтевшие, но еще и осыпавшиеся по краям. Среди них — первые наброски «Одноэтажной Америки», приглашение билет на одну из студий Голливуда, черновики фельетонов, корреспонденций, очерков. И все это — история не только одной человеческой жизни. Наша с вами история.

Вот правленный - переправленный фельетон «Звонари», написанный для «Правды».

«Особенно упорная борьба развернулась в последние дни между крайисполкомом и Хабаровским горсоветом. Седьмого августа горсовет учинил заседание, продолжительность которого ужаснула даже самих заседавших. Повестка дня состояла из сорока пяти вопросов. Заседали весь вечер и часть ночи. Вся вода была выпита из графинов уже к исходу пятого часа, но даже это не остановило заседавших. Они продолжали заседать без воды. Еще через некоторое время сломался председательский колокольчик. Они продолжали заседать без колокольчика...»

Казалось, Хабаровский горсовет прочно завоевал первое место и не скоро выпустит его из рук. Но уже на другой день, восьмого августа, город был взволнован вестью о новом рекорде. Горсовет был позорно побежден крайисполкомом... Они устроили заседание с повесткой дня из ста трех вопросов».

Еще одна весьма знакомая картинка в репортаже с митинга по выдвижению депутатов в Верховный Совет.

«...Его ссылали в отдаленные края. Он сидел в тюрьмах только за то, что пропагандировал идею свержения капиталистического строя, боролся за будущую счастливую жизнь рабочего класса и крестьянства. Я думаю, что все мы, объединившись, поддержим кандидатуру товарища Молотова! Я уверен, что товарищ Молотов даст согласие быть депутатом Верховного Совета от «Москабеля»».

Разбирая выцветшие чернильные строки следующей рукописи, я вспоминала недавние баталии в писательском союзе, свидетельствами которых стала вся читающая страна. Да и другие баталии тоже.

«...Нас двое. Мы пишем вместе. В конце концов по количеству членов (два человека) мы не уступаем какой-нибудь маленькой провинциальной АПП. Мож-

но поднять завесу: между нами были споры. Все было. Творческие разногласия, бегство в прошлое, нездоровое ячество, голое смехачество, интеллигентский нигилизм и еще черт знает что. Но хорошее было бы дело, если бы мы с утра до вечера давали бы друг другу по рукам и, вместо того чтобы сочинять романы и рассказы, писали бы друг против друга обличительные статьи, скучноватые по форме и злостные по содержанию».

И сейчас мы спорим. Ежедневно с 10 до 11-го мы вскрываем друг у друга корни. Но по истечении установленного получаса начинается работа. Мы не можем не договориться. Мы нужны друг другу. Нам нужно работать.

Это можно расширить. Это можно сказать обо всей советской литературе — о писателях и об идеологах. Они не могут работать друг без друга.

Нужно нечто вроде, как говорил Т. Пришвин, **сорадования** или, выражаясь более поэтично, **увязки»**.

Следующий пожелтевший листок — морозом по коже. Записи на обеих сторонах сделаны в апреле 1937 года. На лицевой, с личным штампелем Виктора Ардова — беззаботное послание: «Старик! У меня до 10 час. — общее собрание жильцов, а потом я бы мог приехать к Вам поиграть в преферанс. Ответьте с фельдьегерем или позвоните. Целую».

На обратной стороне — сделанный карандашом, со множеством зачеркиваний, исправлений, вставок черновик, очевидно, газетной заметки.

«Немецкая газета «Ангриф» сообщила, что писатель И. Ильф покончил жизнь самоубийством. Ошеломив этим известием своих читателей, редакция далее объясняет причину: оказывается, Ильф участвовал на последнем собрании съезда советских писателей и в ответ на свое выступление подвергся будто бы резкой критике со стороны советского правительства».

Нет нужды поражаться злостным выдумкам прохвостов. К их сведению... нужно сказать, что до последнего вздоха мой друг Ильф, который умер буквально у меня на руках от туберкулеза (13 апреля 1937 г. — Л. Ф.), ненавидел фашизм. В наших произведениях мы не раз писали о фашизме в таких выражениях, которые очень не нравились нынешним хозяевам Германии. Открытие «Ангрифа» — это уже второе наше столкновение с Гельмсом. Первое произошло в феврале 1933 года, когда на площадях Берлина жгли костры из книг, среди которых были и наши два романа...».

Евгений Петров погиб на фронте в боях с фашистами через шесть лет после смерти друга. В этом году ему бы исполнилось 90 лет.

Однако живы Остап Бендер, Воробьянинов, Васисуалий Лоханкин. И невозможно себе представить, что их могло не быть. И на месте Великого комбинатора мог оказаться какой-нибудь чикагский гангстер, ушедший на покой, некий Франк — Золотой зуб, который фигурирует в рукописном сценарном наброске о двенадцати стульях. Есть и еще один вариант знакомой нам всем истории. Посмотрите, как бы все выглядело, не явись к Ильфу и Петрову, а затем и к нам с вами Остап Бендер.

Внезапно разбогатевший американец покупает во Франции старинный замок и перевозит его к себе, в родной штат. Замок куплен целиком — от фундамента до шпиля на башне, с мебелью, библиотекой, картинной галереей предков и старым дворцом, специалистом по аристократической жизни. Новый хозяин начинает вести в замке полную достоинства и величия жизнь старого французского аристократа.

Семья состоит из бабушки, которая прикована старостью к креслу, жены, быстро воспринявшей все манеры герцогини, мальчика-сына и, как водится, красавицы-дочери, которую ошале-

вший папа хочет выдать за русского князя из хора донских казаков. Князь поселяется в замке и всеми силами помогает будущему тестю вести великосветскую жизнь, ожидая приданого. Дочь любит молодого столяра, работающего в небольшой мастерской в соседнем городке.

Перед самой помолвкой девушки и князя хозяин, к своему крайнему изумлению, теряет состояние, вложенное в какие-то сомнительные акции. Об этом знает он один и скрывает, потому что гости уже собрались. Во время парадного обеда мальчик-сын, единственное во всем доме существо, которое бывало в старинной замковой библиотеке и читало книги, находит в одной из них пожелтевшую записку. Он входит в зал и громко ее читывает. В записке говорится следующее: прабабушка прежнего владельца замка во время Великой французской революции вынуждена была спрятать свои фамильные драгоценности в одно из двенадцати кресел гостиницы гарнитура. В записке подробно указано, в какие именно кресла были спрятаны драгоценности. Обедающие замечают, что сидят именно на этих креслах. Предпринимчивый русский князь, не вставая из-за стола, начинает щупать под собой сиденье. Гости уже не могут есть. Сокровище французской прабабушки жжет им зад. Хозяин вилкой жадно вспарывает сиденье кресла, на котором он сидел. Мало-помалу напущенной аристократизм рассыпается в прах, и сидевшие за столом почтенные и достойные люди, которые к началу обеда были полны достоинства, по крайней мере, как английские лорды, к концу обеда превращаются в банду обезумевших идиотов.

Это переломный момент в фильме. Ровное, спокойное движение сюжета приобретает внезапно очень быстрый темп, и один за другим начинают развиваться все манеры герцогини, мальчика-сына и, как водится, красавицы-дочери, которую ошале-

живаться истинные характеры действующих лиц. Вскрытие каждого кресла сопровождается смешной ситуацией. Происходит чудо. Парализованная бабушка встает со своего кресла и принимает участие в общей битве. Когда весь зал завален вырванными пружинами, пухом, отломанными ножками и клочьями сидений, выясняется, что драгоценностей в них нет. Общее отчаяние. Однако тут же выясняется новое обстоятельство: одно из кресел отдано в починку молодому столяру. Вся банда с разодранными манишками и исцарапанными лицами погружается в один автомобиль и, вызывая ужас мирного западного городка, мчится в мастерскую столяра. Даже бабушка прицепилась к автомобилю и бодро катит в своем кресле на колесиках. Столяр отдает стул с условием, что девушку не будут выдавать за князя. Папа и князь соглашаются, угорившись поделить будущее сокровище между собой. Они раздирают кресло, но вместо драгоценностей находят новую записку. На этот раз прабабушка сообщает, что драгоценности зарыты в землю. Приложен план — от угловой башни девяносто шагов в направлении восхода солнца, миновать старые дубы и снова отмеривать какие-то шаги. В панике папа и князь начинают рыть землю согласно указаний, и уже зарывшись чрезвычайно глубоко, обнаруживают, что рыть надо во Франции, где находился замок, а не здесь. Оба едут во Францию и, явившись туда, видят на том месте, где находился замок, громадное, безбрежное поле пшеницы, где искать что-либо бесполезно.

Илья Ильф, Евгений Петров.

Итак — сценарий, который не состоялся. И — слава Богу. Не нужен нам замок заморский. И Франция нам не нужна. А нужны отец Федор, мадам Грицацуева, Эллочка-людоедка и, конечно же, Остап.

Л. ФОМИНА.